

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 37(53)
2015

СОДЕРЖАНИЕ

**ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА «ТУРЕЦКОГО ПОТОКА»:
ИНТЕРЕСЫ И РАСЧЕТЫ АНКАРЫ**

Павел Шлыков

**ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И США В КОНТЕКСТЕ
УКРАИНСКОГО КРИЗИСА**

Дарья Миронова

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ФОРМАТА «N3+1»: ИНТЕРЕСЫ ФРГ**

Филипп Трунов

**АФГАНИСТАН: ЖЕНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ
ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА**

Ольга Новикова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА «ТУРЕЦКОГО ПОТОКА»: ИНТЕРЕСЫ И РАСЧЕТЫ АНКАРЫ

Павел Шлыков,

*доцент Кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока,
Институт Стран Азии и Африки, МГУ*

Решение России отказаться от «Южного потока» и объявление президентом В. Путиным о его замене на новый проект, предполагающий создание энергетического коридора для поставок природного газа в страны Европы через территорию Турции, стало одним из ключевых событий для мировой энергетики в 2014 г. Договоренности России и Турции о строительстве газопровода по дну Черного моря¹, с одной стороны, открывают новые возможности в развитии двухсторонних отношений, которые последние годы столкнулись с проблемой «пределов роста» и необходимостью серьезно расширять устоявшуюся модель, с другой – проект «Турецкого потока» несет в себе серьезные риски, которые могут существенно скорректировать размеры ожидаемых дивидендов.

Турция – государство с быстроразвивающейся экономикой, для нужд которой требуется поступательное увеличение объемов потребляемой электроэнергии. По статистическим данным турецкой энергетической госкорпорации *Türkiye Elektrik İletim A.Ş. (TEİAŞ)*, за 2014 г. годовое потребление электроэнергии в Турции увеличилось на 3,7%, а ее импорт вырос на 5%². Нехватка электроэнергии – одна из ключевых проблем для Турции. Главным источником энергии на сегодняшний день выступает природный газ: на его долю в общем энерго-

балансе страны приходится 32–35%³. Причем по показателям 2014 г., сектор газовых ТЭС выработал более 48% всей потребленной электроэнергии⁴. Турция не обладает сколь-нибудь существенными запасами энергоресурсов, и практически весь перерабатываемый ТЭС газ – покупной, что заставляет Анкару заниматься диверсификацией каналов газовых поставок, стараясь оптимизировать и издержки, и зависимость. Основной поставщик газа – Россия (56% турецкого газового рынка), альтернативой которой выступают поставки из Азербайджана и Ирана. При этом азербайджанского газа Турции явно мало (его доля всего 8%⁵), а иранский газ ощутимо дороже российского: по показателям 2014 г., цена иранского газа для Турции – 505 долларов за кубометр против 400 долларов за российский⁶, на который Газпром еще предоставляет Турции скидки. Все эти обстоятельства позволяют говорить о «Турецком потоке» как проекте, для которого учет национальных интересов Турции выступает отправной точкой, а его запуск может стать геополитическим и геостратегическим прорывом Анкары.

Более того, российско-турецкий газовый проект, представленный по итогам заседания Совета сотрудничества высшего уровня 1 декабря 2014 г., можно считать не только очередным ответным шагом Москвы на действия Запада, но и стремле-

¹ 1 декабря 2014 г. ОАО «Газпром» и турецкая компания «Botaş» подписали меморандум о взаимопонимании по строительству газопровода мощностью 63 млрд кубометров газа в год из России в направлении Турции через Черное море. Новый газопровод пройдет от КС «Русская» в районе Анапы по дну Черного моря до населенного пункта Кыйыкей на европейской части Турции и далее через населенный пункт Люлебургаз до местности Ипсала на турецко-греческой границе. Морской участок газопровода будет состоять из четырех ниток мощностью 15,75 млрд кубометров каждая. Газ первой нитки планируется полностью направить на турецкий рынок.

² O'Byrne, David. Turkish power demand rises 3.7% in 2014: grid operator // Platts, 8/01/2015. URL: http://www.platts.com/latest-news/electric-power/emea/turkish-power-demand-rises-37-in-2014-grid-operator-26977448?wt.mc_id=energybulletin_powergascoal_campaign_010815&wt.tsrc=eloqua

³ Rzayeva, Gulmira. Natural Gas in the Turkish Domestic Market: Policies and Challenges. Oxford: University of Oxford, 2014, p. 12. URL: <http://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/02/NG-82.pdf>

⁴ O'Byrne, David. Turkish power demand rises 3.7% in 2014: grid operator // Platts, 8/01/2015. URL: http://www.platts.com/latest-news/electric-power/emea/turkish-power-demand-rises-37-in-2014-grid-operator-26977448?wt.mc_id=energybulletin_powergascoal_campaign_010815&wt.tsrc=eloqua

⁵ Газопровод TANAP хочет поставлять в Европу 10 млрд кубометров газа // PanArmenian, 17/03/2014. URL: <http://www.panarmenian.net/rus/news/176952/>

⁶ Yıldız: Iranian gas prices higher than int'l markets // Today's Zaman, 12/03/2014. URL: http://www.todayzaman.com/business-yildiz-iranian-gas-prices-higher-than-intl-markets_341897.html

нием Анкары по-новому позиционировать себя в регионе. Достаточно вспомнить, что до недавнего времени Турция и Азербайджан фактически противостояли российскому мега-проекту «Южного потока», предлагая свой вариант решения проблемы диверсификации каналов и наращивания поставок энергоносителей в рамках проекта «Южного газового коридора»¹. Для реализации «Южного коридора» Анкара вела большую переговорную работу с Туркменистаном по проектам Транскаспийского и Трансанатолийского газопроводов. Однако снижение интереса к ним со стороны США² и вооруженные конфликты, возникшие у юго-восточных границ Турции – в Ираке и Сирии – серьезно осложнили прежние проекты диверсификации поставок энергоресурсов. Все это, по-видимому, подтолкнуло Анкару к поиску альтернативных вариантов наращивания своего влияния на мировом энергетическом рынке.

Фактически проект «Турецкого потока» выводит на новый уровень реализацию давно вынашиваемой правительством Р.Т. Эрдогана программы по превращению страны, лишенной запасов собственных энергоресурсов, в международный энергетический хаб. Стержнем этой программы изначально была идея компенсации дефицита запасов энергоресурсов преимуществами геостратегического положения, позволяющего Анкаре претендовать на роль ключевого связующего звена между производителями энергоресурсов (Россией и прикаспийскими странами) и потребителями (прежде всего европейскими). Реализация планов команды Р.Т. Эрдогана до последнего времени шла достаточно сложно.

Неслучайно в своих публичных выступлениях весной 2015 г. турецкий премьер Ахмет Давутоглу указывал, что успешная реализация «Турецкого потока» дает Турции возможность создать «энергетический коридор», который через Трансанатолийский (TANAP) и Трансадриатический (TAP)³ газопроводы свяжет прикаспийские страны с Грецией и далее – с Адриатикой и Италией, а через «Турецкий поток» – даст возможность осуществлять поставки российского газа с территории Турции в Венгрию и страны Центральной Европы⁴.

Сам по себе этот механизм раньше едва ли был осуществим, учитывая содержащееся в прежних соглашениях с Газпромом положение о невозможности реэкспорта российского газа в третьи страны. Однако в нынешних условиях эта норма становится на пути развития энергетического сотрудничества и двухсторонних отношений в целом. Ведь при сохранении текущих тенденций развития газового сектора в Турции доля России в нем, оставаясь неизменной в абсолютных показателях, фактически неуклонно сокращалась за счет налаживания альтернативных каналов поставок, чем Турция активно занимается последние годы (яркий пример – наращивание доли иранского и азербайджанского газа на турецком рынке). В итоге, запуск проекта «Турецкий поток» существенно приблизил бы Турцию к воплощению грандиозных планов по созданию энергетического хаба, одновременно расширив границы энергетического сотрудничества между Москвой и Анкарой, поскольку речь уже идет не столько об увеличении доли России на турецком газовом рынке, сколько о взаимовыгодном использовании транзитных возможностей Турции.

Однако «новизна» сложившейся ситуации весьма условна. В середине 2000-х годов перед Турцией открывались схожие перспективы наращивания своего влияния на мировой энергетический рынок. Тогда активно обсуждались перспективы строительства газопровода «Голубой поток-2», который должен был стать каналом поставок российского газа по территории Турции на юг (в Израиль) и на запад (в Европу). Однако выгодный для Турции проект так и не был реализован. Осенью 2005 г. стартовали официальные переговоры о вступлении Турции в ЕС, к чему Анкара шла фактически сорок лет. Реализация «Голубого потока-2» означала бы вызов европейским партнерам со стороны Турции, поскольку перечеркивала их усилия по диверсификации источников и поставщиков природного газа. Решить вопрос диверсификации планировалось с помощью проекта «Набукко» – газопровода из Туркмении и Азербайджана по территории Турции в страны ЕС. Анкара, опасаясь серьезных проблем в отношении с Евросоюзом, вынуждена была уклониться от реализации проекта «Голубой поток-2» и переключиться на «Набукко». В итоге, Москва в 2007 г. скорректировала свою позицию по транснациональным газовым проектам, официально заявив о прокладке газопровода «Южный поток» в обход Турции.

Накопленный опыт энергетического сотрудничества с Турцией подсказывает, что и в реализации проекта «Турецкого потока» важную роль сыграют отношения Анкары с западными союзниками и партнерами. Насколько Р.Т. Эрдоган и правительство ПСР оценивает значимость и перспективы отношений с ЕС, для которого реализация «Турецкого потока» обременительна и экономически (проект

¹ Southern Gas Corridor project solemnly launched in Azerbaijan. – URL: <http://www.azernews.az/azerbaijan/71008.html>

² U.S. more interested in TAPI than Trans-Caspian gas pipeline... – URL: <http://www.topix.com/forum/world/turkmenistan/TH9NUCQHIFFA7913P>

³ Мощность TANAP составит 16 млрд кубометров в год, а TAP – 10 млрд кубометров. Строительство TAP должно начаться в 2016 г., а сооружение TANAP уже стартовало в марте 2015 г.

⁴ Turkey ready to cooperate to provide energy security for Central Europe // Daily Sabah, 24/02/2015. URL: <http://www.dailysabah.com/energy/2015/02/24/turkey-ready-to-cooperate-to-provide-energy-security-for-central-europe>

предполагает строительство силами ряда стран ЕС части газотранспортной системы на собственной территории), и политически (проект фактически исключает Украину из газовой транзитной схемы с соответствующими экономическими и геополитическими последствиями).

Между тем сегодняшняя модель отношений Турции с Западом в своей риторике и подходах существенно отличается от практиковавшейся в середине 2000-х годов. Рост напряженности в отношениях с Западом и фактический пересмотр устоявшейся за многие годы модели «прозападного консенсуса» – отличительные черты внешней политики Анкары с конца 2000-х годов. Сумма внешнеполитических шагов и инициатив правящей ПСР давно уже ставит под сомнение приверженность прозападной ориентации Анкары и вызывает подозрения в стремлении в каком-то смысле «возродить» Османскую империю. Активное вмешательство в дела ближневосточных стран, заигрывания с ХАМАС, посредничество в налаживании отношений между западными странами и Ираном, обострение отношений с Израилем, неготовность полностью солидаризоваться с Западом в борьбе с ИГ – все это закономерно воспринимается как показатель отчуждения Турции от Запада в целом и ЕС в частности. Становясь несколько ближе к Западу институционально, Турция, очевидно, отдаляется от нее ментально и психологически. Если в 2004 г. более 75% населения Турции позитивно рассматривало вхождение страны в ЕС, то в 2014 г. этот показатель снизился до 30–38%¹. Один из последних опросов «Евробарометра» (декабрь 2014 г.) показал, что всего 28% граждан Турции поддерживают вступление страны в ЕС². Это самый низкий показатель поддержки евроинтеграции Турции за последние годы. Президент Турции Эрдоган открыто заявляет: «Турция не нуждается в уроках демократии от Европейского союза, она – не козел отпущения. Если не хотят нас принимать в ЕС – пусть не принимают, но мы для них не прислужники»³.

¹ Standard Eurobarometer 81 // European Commission. Public Opinion. URL: http://ec.europa.eu/citizenship/pdf/spring_eurobarometer_july_2014.pdf

Standard Eurobarometer 82. Autumn 2014 // European Commission. Public Opinion. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb82/eb82_first_en.pdf

Support in Turkey for EU membership lowest in years // Daily Sabah, 19/12/2014. URL: <http://www.dailysabah.com/eu-affairs/2014/12/19/support-in-turkey-for-eu-membership-lowest-in-years>

² EU survey reveals growing Turkish distrust of own gov't // Today's Zaman, 19/12/2014. URL: http://www.todayszaman.com/diplomacy_eu-survey-reveals-growing-turkish-distrust-of-own-govt-367428.html

³ Erdogan says EU can't give Turkey «democracy lesson» // AFP, 17/12/2014. URL: <http://www.afp.com/en/news/erdogan-says-eu-cant-give-turkey-democracy-lesson>

Стратегическая диверсификация внешней политики, настойчивое требование взаимного уважения и равноправного партнерства выступают отличительной характеристикой модели текущего развития отношений Турции с Западом. Рельефно это проявляется и в отстаивании своей позиции по вопросу безвизового режима для турецких граждан в границах ЕС, и в дистанцировании от западных санкций в отношении России. И в ситуации с проектом «Турецкого потока» Анкара ведет себя более тонко и искишенно, чем это можно было предположить десять лет назад. Едва ли стоит ожидать, что Турция безоговорочно поддастся давлению Запада и откажется от проекта вместо того, чтобы принять на вооружение доставшийся фактически даром новый инструмент давления на Европу и выступить одним из архитекторов нового формата газового сотрудничества России и ЕС.

Однако при всех выгодах «Турецкого потока» для Турции Анкара не торопится реализовать этот проект. И в таком поведении «восточного партнера» нет ничего нового. Последние 70 лет двухсторонних отношений содержат немало примеров игры Анкары на балансе интересов. В моменты обострения отношений Москвы с Западом Турция стремится нарастить свое стратегическое значение, лавируя между полюсами противостояния, подогревая интерес к себе каждой из сторон и используя его с максимальной выгодой для себя. Историческая приверженность подобной тактике и объясняет максимальное оттягивание момента принятия окончательного решения по крупным проектам. Поэтому основная проблема для «Турецкого потока» – так и не подписанное на конец мая 2015 г. межправительственное соглашение по проекту, что делает весьма расплывчатыми сроки запуска газопровода⁴. Осложняют реализацию проекта и объявленные весной 2015 г. инициативы Еврокомиссии по реформе энергетики ЕС, в случае реализации которой Еврокомиссия получит право предварительного ознакомления с газовыми контрактами государств – членов ЕС с третьими странами (вплоть до участия в утверждении этих договоров).

Кроме сложности процедурных и переговорных вопросов у России есть опасения в отношении новых возможностей, которые в случае реализации проекта появятся у Турции: насколько полученный Анкарой инструмент влияния – российский газ на турецкой территории – может использоваться в отношении Москвы. Пессимистически настроенные эксперты эти риски формулируют в форме риторического вопроса – не станет ли Турция «новой Ук-

⁴ Серов М. Газопровод «Турецкий поток» может быть построен на авось // Ведомости, 29/05/2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/05/29/594256-gazoprovod-turetskii-potok-mozhet-bit-postroen-na-avos>

раиной». Жесткие подходы турецких контрагентов в ведении переговоров и отстаивании своих интересов по вопросу цены на российский газ создали устойчивый образ турецкого газового рынка как «восточного базара»¹. И от тактики упорного ценового торга Анкара явно не намерена отказываться – даже предварительные договоренности по «Турецкому потоку» в декабре 2014 г. сопровождались новыми ценовыми уступками по газу². Не стоит, конечно, сбрасывать со счетов и дополнительные направления сотрудничества, которые Москва может занести в свой актив при реализации проекта. Так, благодаря Турции у Газпрома могут появиться дополнительные возможности по исполнению требований «третьего энергопакета ЕС» (в частности, требований по допуску к использованию трубопровода третьей стороны). Гипотетически возможна продажа турецким компаниями российского газа, который уже как турецкий будет поступать в Европу, или же работа на европейском рынке через турецких газовых трейдеров, долю в капитале которых Газпром либо уже купил (как это произошло с «Bosphorus Gaz Corporation»), либо планирует приобрести в обозримом будущем («Akfel Gaz»)³.

Широкий диапазон возможностей и выгод, которые гипотетически дает «Турецкий поток» для Анкары, может способствовать ее натурализации в качестве влиятельного игрока мирового энергетического рынка. Турция получает новый большой газопровод на 63 млрд кубометров без необходи-

мости существенных инвестиций в его строительство (от Болгарии требовали вложить 1 млрд долларов в расчете на перспективу прибыли от транзита в 400 млн в год). Турция оказывается в перекрестье новых газопроводов, ведущих в Европу (помимо «Турецкого потока», это проекты Трансанатолийского (TANAP) и Трансадриатического (TAP) газопроводов по доставке в Европу газа из Азербайджана, а также Туркмении, Курдистана и Ирана). В перспективе это может сделать Турцию мощным южноевропейским газовым транзитным хабом. Претендуя на доминирующее положение в качестве газораспределительного узла на пути каспийского и российского газа в Европу, Турция превращается в самостоятельного игрока на европейском рынке. Участие в совместных проектах с Россией помимо экономических и геополитических выгод открывает возможности для более гибкой игры с европейскими странами и усиления позиций Анкары в Черноморском регионе. Скидки по текущим контрактам на поставки российского газа дают Турции новые возможности для маневра, тем самым поставив под сомнение перспективные проекты по освоению черноморского шельфа. Неслучайно лейтмотив большинства экспертных дискуссий вокруг российско-турецкого энергетического сотрудничества – победа Турции в многоходовом гамбите «Турецкого потока» и неоднозначность российских перспектив в данном проекте.

¹ «Газовый рынок Турции: восточный базар?» (совместно с Т. Митровой) – Алерт Энергетического центра СКОЛКОВО, декабрь 2011.

² Shlykov, Pavel. Putin's Visit to Turkey: Who Will Pay for the «Break-through in Bilateral Relations»? // Eurasia Outlook, December 8, 2014. URL: <http://carnegie.ru/eurasiaoutlook/?fa=57424>

³ Третьяков П. «Газпром» подал заявку на покупку турецкого импортера Akfel Gaz // Ведомости, 12/01/2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/01/12/gazprom-zavoyuet-turciyu>

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И США В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

*Дарья Миронова,
аспирантка ИНИОН РАН*

События в Украине ознаменовали собой возникновение крупнейшего международного кризиса со времен окончания холодной войны, который, вероятно, на долгое время подвел черту под надеждами на построение «Большой Европы» от Атлантики до Тихого океана, о чем политические лидеры заявляли совсем недавно. Обстоятельства, которые способствовали возникновению кризиса, бросили вызов существующей системе безопасности в Евро-Атлантике. А нынешнее состояние отношений России и Запада характеризуется идеологической, экономической и военно-политической конфронтацией между сторонами.

Важнейшим компонентом этого противостояния являются российско-американские отношения. С момента назревания кризиса Россия и США по-разному смотрели на события, происходящие в Украине. В то время как Россия рассматривает украинский кризис как следствие несостоятельности современной системы евро-атлантической безопасности и ее системного кризиса, американские эксперты и политики делают акцент на нарушении Россией норм международного права и агрессивности внешнеполитического курса руководства страны.

В действительности Украина стала территорией, где пересеклись как экономические, так и военно-политические сферы интересов России и США. Стоит отметить, что возникновение противоречий не было неожиданным – несмотря на «перезагрузку» отношений между Москвой и Вашингтоном, жесткая геополитическая борьба на постсоветском пространстве еще со времен развала Советского Союза отравляла примирительную повестку дня. Исторически Россия и Запад строили свое взаимодействие на основе выявления определенных областей практического сотрудничества в тех сферах, где разногласия были минимальными. Однако глубокий кризис такого подхода был продемонстрирован во время расширения НАТО в 1990-х годах, конфликта вокруг Косова в 1999 г. Итоги же российско-грузинской войны 2008 г. не удовлетворили ни одну из сторон. Очевидно, что борьба за постсоветское пространство не могла не вспыхнуть с новой силой в связи с февральским переворотом 2014 г. в Украине. Украина всегда была особым государством для внешней политики России: ближайший сосед и один

из важнейших компонентов реинтеграционного процесса. В то же время, именно Украина всегда блокировала все интеграционные проекты на постсоветском пространстве.

Начавшись с государственного переворота в Киеве и присоединения Крыма к Российской Федерации (по итогам проведенного 16 марта 2014 г. и не признанного Западом крымского референдума), украинский кризис развился в сторону вооруженного противостояния русскоязычного населения на Востоке, Юго-Востоке Украины и нового украинского националистического правительства, а также создания двух самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик.

С начала 2014 г. руководство США заявляло о том, что «любое нарушение суверенитета Украины и ее территориальной целостности приведет Россию к международной политической и экономической изоляции»¹. Однако для США украинский конфликт вовсе не означает кризис вокруг территориальной целостности Украины. Воссоединение Крыма с Россией и поддержка республик на Юго-Востоке Украины прежде всего означают нарушение того европейского порядка, который США стремились создать на континенте со времен окончания холодной войны.

Включение в состав Российской Федерации Крыма привело к введению первого пакета санкций против России, которое было воспринято руководством РФ «как патологическое нежелание признавать реальность и стремление навязывать всем свои несбалансированные и абсолютно игнорирующие реальность подходы»². Россия ответила контрсанкциями и введением в сентябре 2014 г. продовольственного эмбарго.

Однако куда более серьезным испытанием для российско-американских отношений стала именно гражданская война на Юго-Востоке Украины. Очевидно, что вина за развязывание войны лежит не только на непосредственных участниках конфликта.

¹ Read out of President Obama's Call with President Putin. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/01/readout-president-obama-s-call-president-putin>

² МИД РФ: санкции США – стремление навязать несбалансированный подход. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140317/999903589.html>

Укоренившееся недоверие друг к другу со стороны России и Запада, отсутствие консолидированного подхода к событиям на Юго-Востоке Украины, санкционная и информационная война привели к затягиванию кризиса, а его окончательное разрешение видится долгосрочной перспективой.

Установившиеся враждебные отношения между Россией и Украиной сохранятся, скорее всего, на долгие годы. Необходимо признать, что присоединение Крыма и поддержка самопровозглашенных республик на Юго-Востоке Украины повлекли за собой ряд последствий для России: РФ потеряла Украину, находится под давлением санкций и переживает глубокий кризис своей экономики. По данным ЦБ РФ, отток капитала из России на конец 2014 г. составил 151,5 млрд долл.¹

Начало нынешнего года было ознаменовано очередными попытками мирного урегулирования, новыми санкциями, военными учениями и новыми дебатами по вопросу поставки вооружений украинскому правительству. Переговоры в Минске, или как их окрестили СМИ «Минск-2», открыли новый этап затишья и невоенной борьбы в и за Украину. Помимо очевидных итогов, переговоры в Минске показали, что у сторон нет готового плана по разрешению кризиса. Поэтому замораживание конфликта на данном этапе действительно выглядит лучшей альтернативой.

К сожалению, поддержка Россией ЛНР и ДНР и одновременно осуществляемые программы военного содействия Украине со стороны США, т.е. фактически поддержка противоборствующих сторон, не благоприятствуют налаживанию отношений между Москвой и Вашингтоном. К тому же та риторика, которой пользуется высшее руководство обеих стран, явно свидетельствует не только об экономико-политической, но и об идеологической конфронтации.

Следует отметить, что именно нерешенность вопросов, вызывающих взаимную обеспокоенность, привела этот кризис к точке кипения. России и США до сих пор не удалось наладить постоянный диалог и достичь взаимопонимания. И ответственность за это несут обе стороны. Украинский кризис явился лакмусовой бумажкой, обозначившей всю суть и глубину противоречий между Россией и Западом, между Россией и США в частности. Политика перезагрузки отношений потерпела крах, и мы не просто вошли в очередной спад, наши отношения достигли уровня, с которого вывести их будет крайне сложно.

Отсутствие позитивной повестки дня между Россией и США затрудняет возможность конструк-

тивного взаимодействия по вопросам функционирования современной системы безопасности в Евро-Атлантике и решения украинского кризиса. Возможные варианты взаимодействия США и России по урегулированию конфликта в Украине были обсуждены во время встречи госсекретаря США Дж. Керри с президентом России В. Путиным и министром иностранных дел России С. Лавровым 12 мая 2015 г. в Сочи, а также во время визита замгоссекретаря США по европейским и евразийским делам В. Нуланд в Москву. Однако если после визита Дж. Керри российские аналитики заговорили о первом шаге на пути к потеплению российско-американских отношений, то приезд В. Нуланд в Москву подтвердил мнение о том, что Вашингтон стремится сохранить статус-кво в вопросе взаимоотношений с Москвой при более активной роли США в украинском урегулировании. Стоит отметить, что визит г-жи Нуланд в Москву состоялся после визита в Киев с 14 по 16 мая. США, не являясь участником «нормандского формата» и не входя в состав Трехсторонней контактной группы (участники которой в Минске ведут переговоры с представителями ДНР и ЛНР), проявляют свое стремление к влиянию на ход выполнения минских соглашений. Москва, в свою очередь, обвиняя США в нынешнем «удручающем», по словам заместителя главы МИДа Сергея Рябкова, состоянии российско-американских отношений, уверена в том, что именно у Вашингтона есть главные рычаги давления на власти в Киеве. Несмотря на общее понимание необходимости разрешения кризиса, между Россией и США существуют значительные разногласия во взглядах на события, происходящие на Юго-Востоке Украины.

Итоги визитов Дж. Керри и В. Нуланд послужили сигналом того, что Россия и США постепенно переходят к прагматической модели взаимоотношений. Кроме вопросов, связанных с урегулированием ситуации в Украине, сегодня между двумя странами ведутся переговоры и по другим глобальным проблемам: одновременно с В. Нуланд в Москву прибыл спецпредставитель США по вопросам Сирии Даниэл Рубинштейн, обсудивший с российскими коллегами в МИДе угрозу «Исламского государства».

Несмотря на негативный контекст и фактическое отсутствие каких-либо сдвигов в российско-американских отношениях, стороны заявляют о готовности перейти к обсуждению имеющихся проблем. Тем не менее вопрос санкций все еще остается открытым: никаких гарантий по их отмене не было дано ни на одной из встреч. В то же время стоит отметить, что впервые с весны 2014 г. не поднимался вопрос о статусе Крыма.

Для России в переговорах с США на данном этапе особую озабоченность представляет присутствие американских военных инструкторов в Ук-

¹ Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 2005–2014 гг. ЦБ РФ. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm

раине, а также рост активности США и НАТО в странах Балтии, Польше, Румынии и Болгарии. Россия ожидает гарантий по поводу того, что миссия американских военных в Украине, обозначенная на период в полгода, не будет продлена или расширена. Со своей стороны Вашингтон продолжает настаивать на том, что Россия поставляет оружие ополченцам и, по сути, является непосредственным участником вооруженного конфликта.

Спустя полтора года после начала украинского кризиса с сожалением приходится констатировать, что отношения России и США далеки от перехода к модели сотрудничества. Сегодня необходимо начать поиск путей преодоления сложившейся ситуации и запустить процесс усиленного практического взаимодействия по различным вызовам современности, в особенности по таким аспектам международной безопасности, в отношении которых имеются схожие позиции: Афганистан, контртерроризм, нераспространение.

В процессе урегулирования украинского кризиса важнейшей задачей сегодня является его разрешение с учетом согласованных принципов, основанное на безоговорочном выполнении договоренностей, достигнутых 12 февраля в Минске, а также дальнейшая деэскалация конфликта. Очевидно, что решение конфликта остается в руках крупнейших игроков (США, России, ЕС), но и сама Украина является не объектом, а субъектом переговорного процесса.

Однако для его успеха стороны, во-первых, должны признать наличие определенных принципов, которыми они никогда не поступятся. Для России таким принципом является ее лидерство на постсоветском пространстве. В связи с этим стоит помнить также об интересах России в вопросах, связанных с Грузией и странами Балтии.

Во-вторых, переговорный процесс по Юго-Восточной Украине должен концентрироваться на безотлагательных мерах по обеспечению правопорядка. Минские договоренности в этом плане являются важным шагом и компромиссным временным решением, которое, при условии его реализации, позволит существенно снизить градус противостояния и перейти от разведения воюющих сторон к переговорам о заключении мирного соглашения.

В-третьих, должен быть создан эффективно действующий формат для обсуждения украинского вопроса. Существующий «нормандский формат» исключает интересы США, ЕС, НАТО и других ведущих игроков, например Великобритании и Польши. В связи с этим ключевая роль отводится ОБСЕ, членами которой являются основные игроки, и в рамках которой мог бы быть выработан механизм урегулирования украинского кризиса. Значимость ОБСЕ в особенности возрастает в связи с утратой иных многосторонних форматов для диалога между Россией и Западом (исключение России из «Группы восьми», замораживание практического взаимодействия по линии Совета Россия–НАТО). Активизация роли США в вопросе урегулирования конфликта лишь подтверждает необходимость создания формата, который позволил бы учесть интересы всех заинтересованных сторон.

Стоит помнить о главном – нельзя допустить возрождения холодной войны в ее худшем проявлении. Только открытый и честный диалог, анализ ошибок, совершенных за последние 25 лет, и извлечение соответствующих уроков могут вывести ситуацию из тупика.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМАТА «N3+1»: ИНТЕРЕСЫ ФРГ

Филипп Трунов,

младший научный сотрудник Отдела Западной Европы и Америки ИНИОН РАН

К 2015 г. Североатлантический альянс и Европейский союз объединяют в своем составе 28 и 29 государств соответственно. С одной стороны, это позволяет использовать НАТО и ЕС при отстаивании консолидированной позиции Евро-атлантического сообщества, обладающего огромным политическим, экономическим и военным потенциалом. С другой стороны, столь многочисленный состав названных структур затрудняет разработку и принятие ключевых решений¹. Немаловажной проблемой является и трудность обсуждения «узких», субрегиональных вопросов, непосредственно затрагивающих интересы лишь 3–5 стран Евро-Атлантики.

Решением проблемы может быть создание и использование трех- и четырехсторонних форматов. Задача настоящей статьи – раскрыть значение одного из них – «N3+1» для Федеративной Республики Германия, относящейся к числу ведущих государств – членов НАТО и ЕС.

Подобные переговорные механизмы стали активно создаваться еще в 1990-е годы. Однако с конца 2000-х годов мы можем отметить волну заметного возрастания интереса к действующим и вновь возникающим форматам, причем все чаще одной из их сторон стала выступать ФРГ.

Чем была обусловлена наметившаяся тенденция? Во-первых, влиянием мирового экономического кризиса (с 2008 г.), отчетливо проявившегося в странах ЕС и особенно зоны евро. Углубились противоречия между странами Юга Европы, получившими кредиты, и государствами на Севере континента, в первую очередь ФРГ, являвшимися кредиторами. Последним требовалась консолидация усилий, чего нельзя было достичь без предварительных консультаций.

Во-вторых, начиная с 2008 г. происходило постепенное ухудшение отношений между странами и институтами Евро-атлантического сообщества и Россией, особенно усилившееся в связи с украинскими событиями. Улучшение экономического положения РФ в 2000-х – начале 2010-х годов, связанное с ростом цен на энергоносители, и возрастание ее законо-

мерной готовности отстаивать свои позиции на международной арене, привели к укреплению антироссийских настроений и необоснованной обеспокоенности у небольших² государств Балтии и Северной Европы. После событий в Крыму весной 2014 г. Эстония, Латвия и Литва стали проявлять интерес к временному, а с начала 2015 г. и постоянному военному присутствию США³. Параллельно балтийскими государствами предпринимались шаги, направленные на углубление сотрудничества с другими государствами – членами НАТО, в первую очередь ФРГ, в военно-политической сфере. Так, бундесвер принимал активное участие в учениях сил стран – участниц НАТО, проводившихся вблизи российских границ⁴. Кроме того, с начала 2010-х годов формат «В3+1» (три балтийских государства – Эстония, Латвия, Литва + Германия) использовался ФРГ для оказания демонстративной поддержки в обеспечении безопасности балтийских государств. Так, в 2012 г. министры иностранных дел стран-участниц «В3+1» провели переговоры 23 августа, т.е. в очередную годовщину подписания договора о ненападении между СССР и Германией (1939), включавшего секретные протоколы. В заявлениях, сделанных «на полях» встречи, сохранилась критика не только договоренностей 1939 г., но и любых других попыток изменить европейский и евро-атлантический вектор развития балтийских государств⁵.

На встрече глав МИД «В3+1», состоявшейся 16–17 июня 2014 г., Ф.-В. Штайнмайер подробно обсудил с балтийскими коллегами ситуацию в Украине, а также конкретные вопросы обеспечения территориальной обороны Эстонии, Латвии и Лит-

² При использовании термина «небольшое государство» мы в первую очередь в первую очередь учитываем критерий численности населения (от 1 до 10 миллионов человек).

³ Operation Atlantic Resolve // Сайт Департамента обороны США <www.defense.gov/home/features/2014/0514_atlanticresolve>, дата обращения 5.05.2015.

⁴ Siil/Steadfast Javelin kicks off in Estonia // Сайт Организации Североатлантического договора <www.nato.int/cps/en/natohq/news_119257.htm?selectedLocale=en>, дата обращения 5.05.2015.

⁵ Treffen mit baltischen Partnern // Сайт МИД ФРГ <www.auswaertiges-amt.de/DE/AAmt/zz_Archiv_BM-Reisen/2012/08_Vaduz_Riga_Oslo/120822_BM_Vaduz.html>, дата обращения 5.05.2015.

¹ К 2016 г. в Европейском союзе для принятия решения требуется квалифицированное большинство, а в Североатлантическом альянсе действует принцип консенсуса.

вы¹. ФРГ наряду с активным участием в наземных учениях выделяла боевые корабли для маневрирования оперативной эскадры стран – участниц НАТО в Балтийском море.

Приведенные факты свидетельствуют о возрастании политического веса ФРГ в Евро-атлантическом сообществе, в том числе, среди расположенных на Балтике его членов, при решении военно-политических вопросов. Этому способствовало принятие Германией (с середины 1990-х годов) на себя одной из ведущих ролей как в деятельности НАТО вне зоны ответственности Альянса, так и во внутренних процессах, идущих в Североатлантическом союзе.

Укреплению позиций ФРГ в Евро-атлантическом сообществе как раз и способствовало использование действующих и создание новых трех- и четырехсторонних форматов с участием государств, расположенных вблизи Германии. Если институционализированные каналы взаимодействия по вопросам международной безопасности с государствами Бенилюкса² и Франции³ у Германии сложились еще в период холодной войны, то с государствами Северной и Восточной Европы они стали возникать лишь в постбиполярном мире. В 1990-е годы, помимо уже отмеченного формата «В3+1» (1994), был создан «тройка» ФРГ–Франция–Польша. В связи с этим очевидным «пробелом» являлось отсутствие налаженных каналов сотрудничества с государствами Северной Европы. В известной степени это объяснялось декларируемым нейтральным⁴ статусом Швеции и Финляндии.

Однако события в Украине в 2014–2015 гг. привели к возрастанию интереса нейтральных северо-европейских государств к установлению полноценного сотрудничества с ФРГ в сфере безопасности.

1 декабря 2014 г. главы внешнеполитических ведомств Дании, Швеции, Финляндии и Германии

впервые провели встречу в формате «N3+1»⁵. Показательна привязка формата к ЕС – Норвегия и Исландия, хотя и являются северо-европейскими государствами, не были приглашены на встречу⁶. Чем был обусловлен интерес ФРГ к запуску нового формата?

Первая причина – возможность укрепления германского влияния в Балтийском регионе в условиях роста обеспокоенности государств Балтии и Северной Европы в связи с политикой России. Обратим внимание на то, что Германия использовала параллельно форматы «В3+1» и «N3+1» для демонстрации своей готовности обеспечить территориальную безопасность партнеров⁷. Не меньшее значение имел и тот факт, что руководство ФРГ играет очень активную роль в разрешении украинского кризиса.

Северо-европейские государства, хотя и проявляли большой интерес к событиям в Украине⁸, однако, в отличие от ФРГ, не играли заметной роли в процессе урегулирования вооруженного конфликта в этой стране.

Второй причиной явилось проявление интереса участниц формата «N3+1» к взаимодействию в области урегулирования вооруженных конфликтов (УВК), в первую очередь на Ближнем Востоке⁹. Еще со времен холодной войны, а затем и в постбиполярном мире военные контингенты и дипломаты нейтральных государств Северной Европы, в первую очередь Швеции, использовались для разведения и примирения сторон многочисленных вооруженных конфликтов в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, на Балканах. ФРГ активно включилась в этот процесс лишь в 1990-е годы, однако к настоящему моменту стала вносить весомый вклад в осуществление международного кризисного регулирования. Так, с 2006 г. бундесвер принял на себя основную ответственность в миротворческой деятельности ООН в зоне прекращенного

¹ «3+1» – Konsultationen im Zeichen europäischer Solidarität // Сайт МИД ФРГ < www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Estland/140617-3+1-Tallinn.html >, дата обращения 5.05.2015.

² В частности, одним из ключевых соединений НАТО в Европе является 1-й германо-нидерландский корпус. Показательно, что в 2001–2003 гг. деятельностью международных сил содействия безопасности в Афганистане также формально руководили ФРГ и Нидерланды.

³ Феномен зарождения и развития постоянных германо-французских встреч на высшем уровне раскрыт в работе видного отечественного германиста Н.В. Павлова: Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М.: Наука, 2005. 410 с.

⁴ С момента вступления королевства Швеция и Финляндия в Европейский союз их нейтралитет можно считать лишь условным, так как оба государства принимают участие в Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) ЕС.

⁵ Eine Beratungen im neuen «N3+1» – Format // Сайт МИД ФРГ < www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Daenemark/141201-N3+1_Kopenhagen.html >, дата обращения 5.05.2015.

⁶ Оба государства подали заявки на вступление в Европейский союз. Однако из-за разногласий между правительствами двух стран и Европейской комиссии (в первую очередь, в финансовой сфере и по вопросам рыболовства) к 2016 г. какого-либо заметного прогресса в их переговорах не наблюдалось.

⁷ Eine Beratungen im neuen «N3+1» – Format // Сайт МИД ФРГ < www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Daenemark/141201-N3+1_Kopenhagen.html >, дата обращения 5.05.2015.

⁸ Швеция стала одним из инициаторов программы «Восточного партнерства», «интенсивная» реализация которой в отношении Украины стала одной из ключевых причин возникновения кризиса в данной стране.

⁹ Eine Beratungen im neuen «N3+1» – Format // Сайт МИД ФРГ < www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Daenemark/141201-N3+1_Kopenhagen.html >, дата обращения 5.05.2015.

конфликта между Израилем и движением Хезболла на юге Ливана¹. Эти факты, как и культурно-историческая близость стран – участниц формата «N3+1», создают благоприятные предпосылки для координации усилий сторон-участниц в области УВК. Данное направление взаимодействия может охватить не только Ближний Восток, но и другие прилегающие к Евро-Атлантике регионы.

Третья причина – необходимость координации усилий государств с наиболее динамично развивающимися в ЕС экономиками² в условиях сохранения рисков невыплаты кредитов со стороны ряда южноевропейских государств, в первую очередь Греции.

Наконец, четвертая причина – возрастание экономического и политического интереса ФРГ к Арктическому региону. В условиях споров, направленных на пересмотр границ секторов в Северном Ледовитом океане, роста вовлеченности неарктических государств³ в добычу природных ископаемых и активизации дискуссии об интернационализации ключевых коммуникаций в регионе появились предпосылки для широкого проникновения ФРГ в Арктику.

Встреча формата «N3+1» 1 декабря 2014 г. поставила вопрос о перспективах использования данного формата. Исходя из названных выше причин участия ФРГ в данном переговорном механизме, мы можем выделить следующие приоритетные направления его использования в ближне- и среднесрочной перспективе:

– рассмотрение хода имплементации Минских соглашений от 12 февраля 2015 г., включая обсуждение возможного использования контингентов вооруженных стран – участниц формата в случае развертывания миротворческой миссии ООН в зоне вооруженного конфликта;

– согласование мер взаимодействия политической и военной направленности, которые будут де-

монстрировать готовность ФРГ обеспечить территориальную безопасность Швеции и Финляндии, используя для этого механизм общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза;

– выработка мер по снятию напряженности в зоне арабо-израильского конфликта;

– обсуждение вопросов допуска компаний с участием бизнес-структур ФРГ к разработке месторождений углеводородов в акваториях севернее Гренландии и в районе Фарерских островов, принадлежащих королевству Дания.

Расширение состава формата «N3+1» за счет Норвегии и Исландии (что в принципе отвечает интересам ФРГ) возможно в трех случаях:

а) вступления данных североевропейских государств (или одного из них) в Европейский союз;

б) нового нарастания напряженности в отношениях между Евро-Атлантикой и РФ; это может привести к вступлению Финляндии и Швеции в Североатлантический альянс, что снимет формальную привязку формата «N3+1» исключительно к Европейскому союзу;

в) в случае ускорения отмеченных выше тенденций по изменению действующей расстановки сил в Арктике, что откроет широкие перспективы для активного проникновения (политического и экономического, а в долгосрочной перспективе и военного) Германии в регион.

ФРГ, обладая богатым опытом сотрудничества с партнерами по Евро-атлантическому сообществу в рамках трех- и четырехсторонних форматов, учитывала его при создании механизма «N3+1». Использование подобных механизмов направлено на укрепление влияния и облегчает отстаивание государственных интересов ФРГ в Балтийском регионе, а в перспективе – и в Арктике. Судя по всему, подобный формат будет и дальше использоваться в целях решения задач, стоящих перед внешней политикой Германии.

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL) auf Grundlage der Resolution 1701 (2006) vom 11. August 2006 und folgender Resolutionen, zuletzt 2004 (2011) vom 30. August 2011 des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen. – Deutsche Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/9873, 06.06.2012. – S. 1.

² Если ФРГ располагает наиболее мощной в ЕС экономикой, то североевропейские государства отличает сбалансированность экономического развития. Так, в начале 2010-х гг. королевство Швеция стала первой страной в Европейском союзе, у которой в условиях кризиса бюджет вернулся к профициту.

³ Арктическими государствами, т.е. странами, чьи территории омываются акваториями Северного Ледовитого океана, являются Российская Федерация, США, Канада, Норвегия и Дания.

АФГАНИСТАН: ЖЕНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Ольга Новикова,

зав. Отделом Западной Европы и Америки ИНИОН РАН

Как показывает история, права женщин всегда были спорным вопросом в Афганистане, за периодами реформ следовало обратное движение и жесткое ограничение прав. Иногда этот феномен называют «маятником гендерной политики». В настоящее время в этой стране особую важность приобретает право женщин на защиту во время конфликта и их право участвовать в процессе разрешения конфликта. Первым документом ООН, закрепляющим эти права женщин, была резолюция Совета Безопасности № 1325, принятая в 2000 г.¹, за ней последовали другие, однако, по сути, усилия Совета Безопасности оказались скорее декларацией о намерениях, поскольку механизм применения резолюции не был создан. Но дело не только в этом. В документе женщины рассматриваются только как жертвы, а ведь роль женщины в войне может быть и другой, женщины часто выступают как комбатанты, преследуют определенные политические цели. Резолюция Совета Безопасности способствует восприятию женщин в отрыве от существа конфликта, игнорирует их политическую позицию.

Вооруженный конфликт в Афганистане с разной степенью интенсивности продолжается уже более 30 лет. В материалах западных исследователей период присутствия в Афганистане контингента советских войск однозначно рассматривается как губительный для прав женщин, которые воспринимаются как жертвы военных действий. Однако даже такая организация, как «Хьюман райтс вотч» (Human Rights Watch – HRW), не в состоянии игнорировать очевидный факт, что до прихода к власти движения Талибан 70% учителей, половина госслужащих, 40% врачей были женщинами² (3, с. 7). После вывода советских войск в стране наступила анархия, моджахеды и криминальные группы похищали женщин, подвергали их насилию, продавали в сексуальное рабство. С приходом к власти та-

либов был обеспечен определенный уровень физической безопасности и порядка. Однако женщины стали первыми жертвами системы правления, основанной на исламском фундаментализме. Ношение хиджаба и паранджи стало обязательным, женщинам воспрещалось появляться в общественных местах без сопровождения мужчины-родственника. И хотя талибы формально не запрещали образование девочек, на деле не удавалось создать требуемых условий для отдельного обучения. Работа женщин вне дома допускалась лишь в сфере здравоохранения.

Когда в страну были введены войска международной коалиции и возобновились военные действия, среди мирных жителей появились многочисленные жертвы. По сведениям МООНСА, с 1 января по 31 мая 2014 г. в Афганистане погибли 1143 мирных жителя, а 2214 получили ранения. Это на 11% больше по сравнению с тем же периодом 2013 г., среди женщин жертв стало на 20% больше, чем в предыдущем году³.

На облегчение положения женщин во время войны направлена принятая в октябре 2013 г. Резолюция СБ ООН № 2122, которая предусматривает необходимость предоставлять женщинам во время вооруженного конфликта и после него «полный объем медицинских, юридических, психологических услуг, а также средств существования»⁴. Кроме того – и это особенно важно – в резолюции указывается, что женщине должен быть гарантирован доступ к полному набору услуг в сфере сексуального и репродуктивного здоровья, в том числе – в случае беременности, наступившей в результате насилия.

Говоря об участии женщин в постконфликтном восстановлении мира, нужно учитывать тот факт, что настоящие игроки в процессе примирения и «миростроительства» – это люди, обладающие ре-

¹ Резолюция 1325 (2000), принятая Советом Безопасности на его 4213-м заседании, 31 октября 2000 года. Организация Объединенных Наций Совет Безопасности. Mode of access: <http://www.osce.org/ru/odihr/75309?download=true>

² Afghanistan. Humanity denied. Systematic violations of women's rights in Afghanistan. Human Rights Watch, – 1 October 2001. – Vol. 13, N 5 (C) – p. 7. – Mode of access: <http://www.hrw.org/reports/pdfs/a/afghan/afgwrdr1001.pdf>

³ UNAMA. United Nations Assistance Mission in Afghanistan. Human rights. Дата последнего обращения – 31 июля 2014 г. – Mode of access: <http://unama.unmissions.org/Default.aspx?tabid=12285&language=en-US>

⁴ Женщины и мир и безопасность. Резолюция 2122 (2013), принятая Советом Безопасности на его 7044-м заседании 18 октября 2013 года. S/RES/2122 (2013). – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/523/46/PDF/N1352346.pdf?OpenElement>

альной военной силой. Участие женщин в решении вопросов, посвященных восстановлению разорванной социальной ткани общества хотя и полезно, но лишь укрепляет стереотип, в соответствии с которым женщины могут заниматься только проектированием «мягкой силы». Женщины, которых прочие участники «миростроительства» воспринимают исключительно как статистов, «стоящих на обочине» истории, вряд ли найдут свое место в гражданском обществе создающегося Западом демократического Афганистана.

Международное сообщество борется с гендерным стереотипом, существующим в исламской среде, который не позволяет женщине управлять собственной судьбой, и в более широком смысле – участвовать в определении будущего своих общин. Некоторые функционеры ООН даже выступают против употребления термина «женщины и дети», который выделяет группу, противостоящую мужчинам, укрепляя распространенное мнение, что женщины не в состоянии занимать властные позиции в обществе. Но если женщины не обладают властью – значит, они не властны и над своей судьбой, и не могут быть полностью свободны и жить в безопасности. Поэтому в стране, где происходит вооруженный конфликт, *обеспечение безопасности женщин должно включать и наделение их властью*. Как с этим сейчас обстоит дело в Исламской республике Афганистан?

В нормах шариата, относящихся к жизни семьи, не прописаны вопросы, касающиеся неравенства женщин в социально-политической сфере, допуска к высшему образованию, работы вне дома и участия в политике. Однако шариат настаивает на четком гендерном разделении ролей, что негативно сказывается на возможности женщин работать вне дома и препятствует достижению социально-политического равенства, поскольку в исламских странах нормы шариата служат стандартом поведения в обществе как для мужчин, так и для женщин. В то же время правила шариата стимулируют женщин придерживаться традиционных гендерных обязанностей, связанных с рождением и воспитанием детей, что воспринимается как безусловная ценность. Заметим, что даже в демократических обществах политические амбиции женщин сдерживаются традиционными гендерными нормами, возлагающими именно на женщин ответственность за воспитание детей, что часто препятствует работе женщин в публичной сфере и ограничивает их свободу передвижения.

В Афганистане женщина подвергается осуждению, если появляется в обществе без сопровождения родственника-мужчины, или выступает на людях в защиту прав женщин, или оказывается избрана на государственную должность в местные или центральные органы власти. Однако по кон-

ституции Афганистана за женщинами закреплена квота в парламенте, равная 25%. Таким образом, из 249 членов парламента 64 – женщины¹. В 2005 г. губернатором провинции Бамиан стала Хабиба Сароби, в 2009 г. Азра Джафери заняла пост мэра города Нили (провинция Дайкунди), в 2013 г. Сайра Шакееб Садат была назначена главой уезда в провинции Джаузджан. Женщины возглавляют Министерство по делам женщин (Хасанбуну Газанфар), Министерство здравоохранения (Сурайа Далиль) и Министерство труда и социальной защиты (Амина Афзали)².

Следует, однако, заметить, что некоторые женщины во властных структурах представляют интересы мужчин – членов своих семей и зачастую выступают против расширения прав женщин. В адрес женщин, занятых в общественной жизни, поступают угрозы, они подвергаются нападениям, случаются даже убийства. Сотрудничество женщин с ООН, как, впрочем, и с неправительственными организациями, воспринимается как работа на «неверных». Снятие паранджи часто считают символом свободы афганских женщин. Но, например, женщины-полицейские в частной жизни, как правило, носят паранджу, полагая, что становятся таким образом незаметными в общественных местах и могут чувствовать себя в безопасности. Женщина, снявшая паранджу, воспринимается как отступница, бросившая вызов исламу. Женщины – члены местных советов жалуются, что коллеги-мужчины не принимают их всерьез, хотя присутствие женщин в провинциальных советах и в парламенте закреплено законом. Женщины чувствуют себя маргинализированными, их мнение игнорируется³.

Интересна история 23-летней Нилуфар Рахмани. Она – одна из трех женщин, которые участвовали в программе подготовки пилотов 2010 г. При этом она скрывала это от родственников, полагающих, что женщины должны посвящать себя полностью дому и семье. Сейчас в ее адрес регулярно поступают письма с угрозами, раздаются телефонные звонки с требованиями уволиться из армии. Она говорит, что ей теперь недоступны простые вещи. Она не может ходить по улице, за покупками. «Вся

¹ Factsheet on the situation of women and girls in Afghanistan. United Nations Assistance Mission in Afghanistan. – P. 2. – Mode of access: http://www.peacewomen.org/assets/file/SecurityCouncilMonitor/Missions/Afghanistan/Afghanistan_WomenGirlsFactsheet_2009.pdf

² Women and conflict in Afghanistan. International Crisis Group. Asia Report N 252, 2013. – October 14. – P. 9. – Mode of access: <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/south-asia/afghanistan/252-women-and-conflict-in-afghanistan.pdf>

³ Silence is violence. End the Abuse of Women in Afghanistan. Human Rights, United Nations Assistance Mission in Afghanistan. Kabul. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Geneva, 2009. – 8 July. 39 p. – Mode of access: http://www.ohchr.org/Documents/Press/VAW_Report_7July09.pdf

моя свобода исчезла» – жалуется Нилуфар. Кстати, одна из трех женщин-пилотов все-таки покинула вооруженные силы¹.

На Западе борьба женщин за свои права началась примерно 150 лет назад. С тех пор женщины добились больших успехов, – например введения законов о реальном равенстве и аффирмативных действиях. Но во многих странах Востока, в том числе в Афганистане, существует значительная диспропорция в уровне грамотности мужчин и женщин. Афганские женщины страдают от нищеты и дискриминационных практик. Многие другие факторы, в частности глубоко укоренившееся в афганском обществе ощущение безнаказанности за совершение преступных действий по отношению к женщинам, в том числе во время вооруженных конфликтов, также препятствуют усилиям международного сообщества по реализации прав женщин. Они способствуют введению новых законов и правил жизни. Но приживаются ли они?

О связи прав женщин со стабилизацией ситуации в ИРА упоминал еще Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своей речи на Саммите афганских женщин за демократию в декабре 2001 года: «Я бы хотел воспользоваться случаем, чтобы сказать: не может быть прочного мира в Афганистане и восстановления страны без восстановления прав женщин»².

Как повлияет вывод вооруженных сил международной коалиции на права афганских женщин? К сожалению, ответ однозначен. По мере вывода войск исполнительные и судебные органы ИРА предпринимают шаги по свертыванию деятельности, направленной на обеспечение равенства полов. В 2009 г. Х. Карзай под давлением западных доноров изменил Закон о личном статусе шиитов, содержащий, помимо других положений, норму, позволяющую мужьям прекращать финансовую поддержку жен, которые не выполняют свои «сексуальные обязанности», и передавать опеку над детьми мужу. Этот шаг президента вызвал недовольство консервативно настроенных шиитов, и позже был принят закон с поправками, содержащими ранее отмененную норму. В 2013 г. квота женщин во властных структурах провинций была сокращена с 25% до 20.

По мере вывода сил международной коалиции уровень финансирования процесса обеспечения

прав человека в Афганистане, прав женщин и организаций гражданского общества стремительно падает. Это неудивительно: опыт показывает, что поддержка доноров всегда связана с военным присутствием вооруженного контингента страны-донора.

Интересно отметить, что в Афганистане параллельно с деятельностью ООН в сфере поддержки прав женщин также наблюдалась активность Пентагона. Вскоре после вторжения в Афганистан Дж. Буш в Послании Президента Конгрессу США заявил: «В последний раз, когда мы встречались в этом зале, матери и дочери Афганистана находились в неволе в собственных домах, им запрещалось работать и ходить в школу. Сегодня женщины свободны»³. Это высказывание имело целью не только оправдать ввод войск необходимостью освобождения женщин, но и продемонстрировать, что Запад является силой, несущей свободу. В 2009 г. в рамках американских подразделений морской пехоты были созданы «женские боевые группы» (ЖБГ), которые недавно стали неотъемлемой частью МССБ и армии США. В обязанности принятых в эти группы женщин-военнослужащих входят оказание медицинской помощи, преподавание языка, патрулирование и беседы с афганскими женщинами в их жилищах (такие разговоры обычно помогают вести переводчики с пушту и дари). При этом предполагается, что женщины в Афганистане имеют гораздо большее влияние на своих мужей и сыновей, чем принято думать, и что, если афганские женщины поддержат противоповстанческую стратегию международных сил, направленную, как утверждают американцы, на защиту местного населения, то их семьи тоже ее поддержат. Американцы надеются, что получение поддержки со стороны афганских семей может стать важным шагом на пути мобилизации местного населения на борьбу с вооруженной оппозицией. При помощи социальных и экономических программ американцы пытаются привлечь на свою сторону дружелюбно или нейтрально настроенных афганских женщин, рассматривая их как возможных союзников в войне. Рождается иллюзия, что в патриархальном обществе афганки могут оказывать позитивное влияние на мужчин и способствовать трансформации семей и общин, в которых живут. Надо, правда, заметить, что некоторые исследователи считают главной целью создания женских боевых групп получение от афганских женщин ин-

¹ Female Afghan «Top Gun» soars above gender barrier – Agence France-Presse. 29 April 2015. – Mode of access: <http://www.ndtv.com/world-news/female-afghan-top-gun-niloofar-rahmani-soars-above-gender-barrier-759077>

² Silence is violence. End the Abuse of Women in Afghanistan. Human Rights, United Nations Assistance Mission in Afghanistan. Kabul. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Geneva, 2009. – 8 July. 39 p. – Mode of access: http://www.ohchr.org/Documents/Press/VAW_Report_7July09.pdf

³ Dyvik S.L. Women as «practitioners» and «targets». Gender and counterinsurgency in Afghanistan. International Feminist Journal of Politics. Routledge, L. Published online: 08 Apr. 2013. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/14616742.2013.779139>

формации разведывательного характера¹. Так или иначе мы видим, что, в отличие от деятельности в Афганистане структур ООН, работа специальных структур МССБ и, в частности женских боевых групп, направлена на выполнение задач военного характера.

На пути поощрения прав женщин в этом государстве любые международные структуры встречают немало трудностей, так как гендерное неравенство в Афганистане отражает религиозные и национальные традиции народа, связано с бедственным экономическим положением страны и продолжающимися военными действиями.

Одним из главных препятствий на пути реализации прав женщин представители международного сообщества считают распространение традиционных практик, многие из которых возникли еще в доисламский период. Однако то, что на Западе нередко считают традициями, на самом деле является проявлением новых и более грубых форм порабощения слабых, что стало возможно в условиях криминальной экономики, тотального отсутствия

безопасности, на фоне эрозии связей, основанных на доверии и солидарности, что явилось следствием войны, нищеты и социальных потрясений². По причине того, что ЕС связывает введение санкций в отношении РФ с состоянием вооруженного конфликта на территории Украины, РФ будет продолжать испытывать на себе экономическое давление вплоть до его деэскалации. Учитывая тот факт, что Россия не является стороной конфликта, данные санкции являются контрпродуктивными для поддержания партнерских отношений между Россией и ЕС. Для нашей страны такая политика европейцев дает стимул к тому, чтобы внимание в первую очередь было обращено на те отрасли экономики, которые являются наиболее уязвимыми, и была произведена структурная перестройка экономической системы, необходимость которой назрела уже давно. В дополнение к этому Россия, как евразийская держава, должна диверсифицировать свои торговые связи и переориентировать свое внимание на государства, расположенные в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

¹ Dyvik S.L. Women as «practitioners» and «targets». Gender and counterinsurgency in Afghanistan. *International Feminist Journal of Politics*. Routledge, L. – P. 8. – Published online: 08 Apr. 2013. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/14616742.2013.779139>

² Kandiyoti D. Between the hammer and the anvil: post-conflict reconstruction, Islam and women's rights. *Third World Quarterly*. Apr. 2007, Vol. 28, Issue 3, p. 503–517. 15 p. – Mode of access: <http://web.a.ebscohost.com/ehost/pdfviewer/pdfviewer?vid=17&sid=1e674496-eebf-4bcf-b339-2535a02decf1%40sessionmgr4002&hid=4201>

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН, Центром по изучению проблем европейской безопасности с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и необязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик Ю.С. Пивоваров

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д.п.н. А.И. Никитин

К.и.н. А.В. Загорский

Главный редактор – к.и.н. Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова